

УДК 377

ШКОЛА И ПЕДАГОГИКА РОССИИ В ДИАЛОГЕ ЦЕННОСТЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО УЧИТЕЛЬСТВА В XVIII СТОЛЕТИИ

Колпачева Ольга Юрьевна

Доктор педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и образовательных технологий, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт», г. Ставрополь, Россия
e-mail: okol@list.ru

Авдеева Лилия Николаевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и образовательных технологий, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт», г. Ставрополь, Россия
e-mail: lilik4@yandex.ru

Сиволобова Нелли Александровна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и образовательных технологий, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт», г. Ставрополь, Россия
e-mail: nsivolobova@mail.ru

Ширванян Аревик Эрниковна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей педагогики и образовательных технологий, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ставропольский государственный педагогический институт», г. Ставрополь, Россия
e-mail: arevik-83@mail.ru

Целью авторов статьи явилось рассмотрение становления школы и педагогики России первой четверти XVIII века в контексте государственного этапа развития отечественного образования. На основе использования сравнительного метода показано различие целей и идеалов древнерусской и опирающейся на западные образцы новой, государственной педагогики. Проанализированы требования нового времени к формирующемуся отечественному учительству, выявлены его детерминанты, рассмотрены проекты реформирования образования начала XVIII столетия, которые во многом легли в основу деятельности отечественной школы. Результаты проведенного исследования показывают, что школа и педагогика России в начале XVIII столетия базировались на диалоге ценностей отечественного и европейского образования, что соответствовало изменившимся потребностям государства и общества. Данные изменения способствовали выработке

требований к профессиональной подготовке и нравственным качествам отечественного учительского корпуса, предопределили аксиологические приоритеты российских педагогов.

Ключевые слова: ценностные ориентиры, образовательные проекты, русское учительство, сословная педагогика, профессиональное образование, государственные учебные заведения, западноевропейская педагогика.

SCHOOL AND PEDAGOGY OF RUSSIA IN THE DIALOGUE OF VALUES OF RUSSIAN AND EUROPEAN TEACHING IN THE XVIII CENTURY

Kolpacheva Olga Yurievna

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of General Pedagogy and Educational Technologies, State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Stavropol State Pedagogical Institute", Stavropol, Russia e-mail: okol@list.ru

Avdeeva Lilia Nikolaevna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of General Pedagogy and Educational Technologies, State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Stavropol State Pedagogical Institute", Stavropol, Russia e-mail: lilik4@yandex.ru

Sivolobova Nelly Alexandrovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of General Pedagogy and Educational Technologies, State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Stavropol State Pedagogical Institute", Stavropol, Russia e-mail: nsivolobova@mail.ru

Shirvanyan Arevik Ernikovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of General Pedagogy and Educational Technologies, State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Stavropol State Pedagogical Institute", Stavropol, Russia e-mail: arevik-83@mail.ru

The purpose of the authors of the article was to consider the formation of the school and pedagogy of Russia in the first quarter of the XVIII century in the context of the state stage of development of domestic education. Based on the use of the comparative method, the difference between the goals and ideals of the Old Russian and the new state pedagogy based on Western models is shown. The requirements of the new time to the emerging domestic teaching are analyzed, its determinants are identified, the projects of reforming education at the beginning of the XVIII century, which largely formed the basis of the activities of the domestic school, are considered. The results of the study show that the school and pedagogy of Russia at the beginning of the XVIII century was based on a dialogue of values of domestic and European education, which corresponded to the changed needs of the state and society.

These changes contributed to the development of requirements for professional training and moral qualities of the domestic teaching corps.

Key words: value orientations, educational projects, Russian teachers, class pedagogy, vocational education, state educational institutions, Western European pedagogy.

История педагогического образования, его ценностных ориентаций тесно связана с развитием и преобразованиями в социально-экономической и политической сферах государства, о чем свидетельствует анализ особенностей развития школы и педагогики России XVIII столетия.

Подробную оценку сложившейся образовательной ситуации дал С.В. Рождественский. «В эпоху глубокого перелома национальной жизни, в момент крушения вековых традиций и условий жизни школа, как образовательное и воспитательное учреждение, вооружающее молодые поколения запасом новых знаний и дающее определенную выправку и закал их моральным свойствам, должна была стать одним из важнейших двигателей нового исторического процесса. Старая, древнерусская школа взять на себя такую роль не могла: она не поднималась выше уровня элементарного образования; она давала даже не само образование, а лишь необходимые первые средства, с помощью которых пытливый человек самостоятельным трудом мог добраться до глубины той мудрости, которая заключалась в традиционном кодексе религиозно-нравственного мировоззрения века, совсем уже чужды были древнерусской школе задачи светского профессионального образования» [23, с. 89].

Четкое очертание приоритетов петровской школы: верность престолу и базирующиеся на этом ценностные ориентиры русского учительства. Вследствие этого с начала XVIII столетия доминирующими наряду с религиозностью становятся идеи гражданского воспитания, овладения системой общеобразовательных и профессиональных знаний. При сохранении школьных авторитарных порядков наблюдаются попытки привнесения отдельными педагогами научных знаний в образовательный процесс: повышается интерес к проблемам обучения и воспитания, предпринимаются попытки учета возрастных особенностей обучаемых, внедряются достижения европейской педагогической мысли.

«Кардинальный пересмотр жизненных ценностей, появление новых представлений об идеале человека были связаны с реформаторской деятельностью Петра Великого. Смыслом жизни для новой аристократии становилось служение царю и отечеству, а не только православной вере. Вплоть до второй половины XIX века дворянство играло лидирующую роль в российском обществе и светские ценности, при сохранении православных, ставших уже традиционными, достаточно глубоко укоренились в сознании россиян, что нашло отражение и во взглядах на цели воспитания, которые носили ярко окрашенный сословный оттенок», – указывает В.И. Блинов [2, с. 4].

Государство, настаивая на важности профессиональной подготовки для различных видов государственной службы и развивая соответствующие специальные школы, создавало педагогику, противоположную педагогике церковно-религиозной, которая была идеалистична и направлена в первую очередь на формирование духовно-нравственной, религиозной личности. Помимо этого, образование не отличалось разнообразием и носило одинаковый для всех характер.

Новая, государственная педагогика, по мнению П.Ф. Каптерева, была «чужда идеализма, государственный интерес, государственная служба ее бог. Служба эта различна, требует разных знаний, а поэтому и школы должны быть с различными учебными курсами. К школам различных типов были приписаны различные общественные слои, разные сословия, которые обособлялись все больше и больше. Педагогическое единство исчезло, педагогика сделалась сословной» [11, с. 107].

Кардинальные изменения в требованиях к профессиональной подготовке офицеров, моряков, артиллеристов, инженеров, врачей, государственных служащих обусловили выдвижение в число приоритетных ценностей учительства обеспечение высокого профессионализма в преподавании конкретных дисциплин, в связи с чем в обществе стали постепенно

осознаваться проблемы в сфере образования. Как отмечал К. Ельницкий, многие начиная с Бориса Годунова «сознавали, что Западная Европа по образованию стоит выше России, Но никто не прибегал к таким энергичным мерам для водворения в России европейского образования, к каким прибегал Петр Великий» [6, с. 279].

С приходом нового царя коренным образом изменилось положение церкви, которая с упразднением патриаршества и учреждением синода стала подчинена светской власти и потеряла контроль над образованием, которое перешло в руки государства.

«Начался новый, «государственный» период в отечественном просвещении, когда все, что происходило в области образования, стало подчиняться государству и служить его интересам», как отмечают авторы «Истории педагогики и образования» [8, с. 234].

Развитие образовательной потребности общества, причем потребности в получении преимущественно профессиональных знаний, являлось важнейшей предпосылкой успешности предстоящих реформ. В отличие от предшественников, Петр I в своей социально-экономической политике ориентировался на дворянство как движущую силу новой российской истории. Но, чтобы сделать дворянских детей таковыми, их нужно было соответствующим образом воспитать и образовать. Веками жившее по традициям предков дворянство не хотело никаких перемен и усматривало в них покушение на сложившиеся жизненные устои. «Для огромного большинства московских людей того времени западноевропейская наука была явлением совершенно новым, дотоле невиданным, а знакомство со всяким новым явлением, как известно, всегда начинается с его внешней стороны, и лишь через более или менее продолжительное время, сообразно способностям познающего и степени доступности познаваемого, становится понятной для нас и внутренняя сторона последнего», – оценивал ситуацию О.В. Крыжановский [14, с. 48].

Вестернизация требовала появления европейски образованных учеников, которые были бы способны стать проводниками европейских реформ в стране, не готовой к таким изменениям. Однако, по справедливому замечанию Г.Б. Корнетова, «вестернизация, начатая Петром I, так и не смогла до конца интегрировать продолжавшую сохранять самобытность Россию в Западную цивилизацию. Несмотря на то, что церковь превратилась в департамент государственного аппарата и лишилась своей земельной собственности, православие оставалось доминантой духовной жизни, особенно в массовом сознании» [13, с. 118].

Для образования молодежи была создана сеть государственных учебных заведений. Исторические источники свидетельствуют, что уже в 1698 г. в России функционировали три школы: две пушкарские в Москве и одна морская в Азове. В 1699 г., по другим данным – в 1701 г. в Москве была открыта Школа математических и навигацких наук, отвечающее всем требованиям времени учебное заведение, которое скоро превратилось в центр образования страны, начав выпускать инженеров, геодезистов и представителей других специальностей.

Дисциплина и внутренний порядок в Школе поддерживались неукоснительно. В условиях неразвитой образовательной потребности населения, «несмотря на строгие указы, многие недоросли не являлись в Школу; самые жестокие меры употреблялись против них, вплоть до отправления на галерные работы; за нехождение в Школу били батогами и наказывали денежным штрафом; бежавших из нее ловили и под караулом возвращали, а имения их отбирали в казну», – пишет Д.И. Латышина [15, с. 165].

Побуждение дворянских отпрысков к образованию осуществлялось: а) путем создания государственных профессиональных учебных заведений и принуждения к учебе под страхом наказания; б) путем повышения престижа государственной службы, для поступления на которую требовалось

соответствующее образование; в) отправлением молодых дворян для обучения за границу. Подтверждением карательных мер являлись: императорский указ, запрещающий неграмотным дворянам жениться, штрафы за пропуск занятий учащимися, наказания за побеги дворян из учебных заведений.

В период царствования Петра I получил реальное наполнение девиз «В службе – честь!». Впервые в российской истории продвижение по службе было поставлено в зависимость от уровня образованности. Было осуществлено ранжирование по чинам с наделением чиновников определенными правами («Табель о рангах» 1722 г.) [28, с. 175]. Получение первого офицерского звания «прапорщик», равно как и присвоение низшего, 14 класса, автоматически давало потомственное дворянство. Права распространялись и на членов семей военных и государственных служащих. В указе, объявляющем о введении в действие «Табеля о рангах», говорилось: «Кто выше своего ранга будет себе почести требовать или сам место возьмет, тому за каждый случай платить штраф 2 месяца жалования» [29, с. 144].

Сочетание поощрений за службу и принудительных мер оказалось действенным средством не только для воспитания активных проводников реформ, но и для привлечения дворянской молодежи в созданные Петром I учебные заведения. Показателен в данном плане отрывок из сохранившегося письма Вебера от 1716 г.: «В это лето окончательно устроена Морская академия, и в целой обширной России не было ни одной знатной фамилии, которая не обязывалась бы выслать в эту академию сына или другого родственника от 10 до 18 лет и старшего возраста» [21, с. 36].

«Главным достижением эпохи Петра I (первая четверть XVIII века) для образования в городе стало появление профессиональных школ – Морской академии, хирургической, артиллерийской, инженерной. Они имели русские общеобразовательные и профессиональные классы, занятия в которых велись как на русском, так и на иностранных языках (в основном на латинском и немецком) иностранными преподавателями и по зарубежным учебникам», –

указывает А.Н. Шевелев [31, с. 38]. Кроме названных учебных заведений в первой четверти XVIII века в стране были созданы гардемаринская рота, хирургическая школа, школа переводчиков, школы для подготовки унтер-офицерского состава и специалистов по обслуживанию отдельных видов вооружения и другие учебные заведения [10, с. 162].

Особого внимания заслуживает создание императором в 1715 г. в Петербурге Морской академии – первого в стране государственного высшего учебного заведения. В.О. Ключевский приводит выписки из инструкции Морской академии: «Рано утром учащиеся собираются в зале на молитву, прося Господа Бога о потребной милости и о здравии его императорского величества и о благополучии его оружия, *под наказанием*». Ученики обязывались слушать, чему их учат профессора, и к оным надлежащее почтение иметь, *под наказанием*. Профессора должны обучать морскую гвардию со всяким прилежанием и лучшим вразумительным образом, *под наказанием*. ... Профессора не должны ничего брать со своих учеников «прямым ниже посторонним образом», под опасением возврата взятого вчетверо, в случае повторения «оного прегрешения – под телесным наказанием» [9, с. 135].

Четырежды процитированные в отрывке слова «под наказанием» свидетельствуют о жесткости принимаемых к провинившимся юным морякам и даже педагогическому персоналу мер, о господстве «палочной педагогики» в Морской академии. В условиях петровского времени телесные наказания были повседневным явлением. Отметим в этом плане указ сената от 1722 г. о насильственном возвращении в Морскую академию сбежавших из нее 127 гардемарин.

В 1714 г. под контролем адмиралтейств-коллегии стали создаваться цифирные школы, содержащиеся, однако, на средства церкви. В школах обучали чтению и письму, «цыфири», то есть четырем арифметическим действиям и начальным основаниям геометрии [4, с. 227]. Посещать школы обязали детей дворян, дьяков и подьячих в возрасте от 10 до 15 лет. Ввиду

большой потребности государства в грамотных людях туда принимали и представителей других сословий [20, с. 65]. Школы располагались в достаточно крупных городах, требовали отлучения учеников от семьи, и родители лишь под угрозой наказания отправляли детей учиться. Ввиду неразвитости образовательной потребности число учащихся в цифирных школах сократилось с 2000 в 1715 г. до 500 в 1731 г.; в 1744 г. они были соединены с гарнизонными школами. Учительский состав комплектовался в основном из выпускников Школы математических и навигацких наук и Морской академии.

В 1721 г. «Духовным регламентом» епархиальным архиереям было предписано открыть школы при архиерейских домах. В период с 1721 по 1725 г. было создано 46 таких школ, в которых обучалось до 3000 учеников. Сначала в архиерейские школы принимали представителей всех сословий; по мере открытия государственных профессиональных учебных заведений они стали комплектоваться только из детей духовенства, а обучение приобрело церковно-профессиональный характер [11, с. 61].

Кроме государственных и архиерейских школ в период царствования Петра I были созданы частные учебные заведения. Первым и наиболее известным из них была открытая в 1703 г. в Москве четырехклассная школа пастора Эрнеста Глюка с учебным курсом, приближенным к программам европейских гимназий того времени. Ученики изучали арифметику, риторику, историю, географию, философию, современные иностранные языки и латынь, танцы, овладевали искусством верховой езды и хорошими манерами. Обучение осуществлялось иностранными учителями [12, с. 45].

В 1710 г. в Петербурге открылось «Петрешуле» – Главное немецкое училище при церкви св. Петра, созданное на базе приходской лютеранской школы и принимавшее в состав учеников «христианских детей любых конфессий и национальностей» [31, с. 38]. Его основателем являлся немецкий педагог К.И. Крюйс. До середины XVIII века, ввиду ограниченности учебного помещения одной классной комнатой, обучения детей различных возрастов

разным предметам, учебное заведение не пользовалось популярностью, но с момента появления нового здания и приглашения новых учителей оно превратилось в образцовую «Школу языков, наук и искусств». Важную роль в преобразования школы сыграл известный ученый и педагог Антон Фридрих Бюшинг, возглавлявший учебное заведение с 1760 по 1765 гг. Среди учеников Петрешуле были М.П. Мусоргский, П.Ф. Лесгафт, Ф.Ф. Шуберт, М.А. Фонвизин, К.А. Раухфус, К.И. Май. По сведениям М.И. Демкова, в Петербурге в 1711 г. имелось четыре «разноязычные немецкие школы» [5, с. 53].

Создавая новую систему просвещения, Петр I руководствовался сознанием необходимости доставить для службы знающих, подготовленных людей. Главное внимание уделялось профессиональной подготовке, что и определяло подбор учительских кадров. Воспитание в школах сводилось к традиционному влиянию церкви, развитию преданности императору и к применению мер дисциплинарного воздействия. Практически не уделялось внимание личности учащихся.

Указанные особенности предопределили приоритет иностранных педагогов в государственных учебных заведениях. В частности, Азовской мореходной школой руководил венецианский моряк Матвей Меланкович [23, с. 282]. Школу математических и навигацких наук возглавлял профессор Абердинского университета Генрих Фарвасон. В числе первых преподавателей школы были Стефан Грин и Ричард Грейс. Иностранные учителя составили костяк Морской академии. Хирургической школой при первом военном госпитале в Москве руководил Н. Бидлоо. Среди ее ведущих преподавателей был доктор Блументрост [18, с. 152]. В числе учителей школы Феофана Прокоповича встречаем имена Терфила Байера и Адама Селия. Среди воспитателей царевича Алексея были саксонец Нейгебауэр и немец барон Гюйссен. К преподаванию в школе переводчиков привлекали пленных. «Государство, – отмечал П.Ф. Каптерев, – нуждалось в образованных специалистах; их не было... За отсутствием своих людей, были приглашаемы иностранцы; за отсутствием

своих школ, курсов, программ, методов, все нужное было взято у иностранцев; ждать, когда русская почва произведет соответствующие свои продукты, было невозможно. Таким образом, на Руси появились школы, русские по названию и иностранные по организации и всей постановке» [19, с. 221].

К основателям нового русского учительства с полным правом можно отнести не только практикующих педагогов-иностранцев, но и создателей образовательных проектов, которые частично были реализованы в стране уже после смерти Петра I, а также прибывших в страну профессоров созданной в 1727 г. Академии наук: Бернулли, Бюльфингера, Мартини и др.

В числе авторов образовательных проектов следует назвать, прежде всего, Ф.С. Салтыкова, предложившего создать на базе монастырей во всех губерниях академии для обучения дворянских, купеческих и «всяких иных разных чинов» детей, для подготовки специалистов «в службы воинские и градские». В программы обучения входили: 1) латинский, греческий, немецкий, английский и французский языки; 2) свободные науки: грамматика, риторика, богословие, история гражданская и партикулярная; 3) математические науки: арифметика, геометрия, тригонометрия, навигация, фортификация, артиллерия, механика, статика, гидростатика, перспектива, архитектура, оптика, гномика, музыка, рисование, скульптура, миниатюра, география, фехтование, танцы. Срок обучения в академиях автор проекта определял в 17 лет, указав, что «мы по сему образцу сравниваемся во всех свободных науках со всеми лучшими европейскими государствами».

В «Пропозиции» Ф.С. Салтыкова отражен английский и голландский опыт организации образования, стран, в которых он обучался в юности и где впоследствии осваивал кораблестроение. В проекте нашлось место и женским школам. «Надобно ж, – предлагал сподвижник Петра I, – во всех губерниях учредить женские школы и на то обратить женские монастыри, а из тех монастырей вывести стариц; но если в которых губерниях нет богатых женских монастырей, и на то очистить мужские монастыри, на содержание, питание и

жилище аи на содержание мастеров. И велеть, под штрафом на отцах, чтобы водили в те школы дочерей своих от 6 лет, и велеть их учить женским наукам: 1) для домоводства – читать, писать, цыфири, 2) для изящества в языках французского и немецкого, 3) для забавы – пиктуры, миниатюры и перспективы, 4) для забавы же своей и в компании веселого обхождения: музыке инструментальной и вокальной, сиречь на всяких инструментах и воспевать, танцевать, чтоб и женский народ ровнялся с европейскими государствами равно».

Более подробно проработанными выглядят представленные в письмах к императору два проекта немецкого философа Г.В. Лейбница, имеющего лишь косвенное отношение к русскому учительству. Лейбниц исходил из того, что «истинную цель науки составляет блаженство людей, т.е. состояние постоянного удовлетворения, насколько это возможно для человека, причем они не должны жить в праздности и роскоши, но содействовать, всякий на своем месте, прославлению» [24, с. 995]. Средством подготовки людей указанного типа философ считал правильное воспитание юношества, развитие у него добродетелей и любви к науке. Философ отрицательно относился к доминирующему в педагогике того времени мнению о приоритетности формального образования с его возвышением латинского языка, настаивал на сближении науки с жизнью. Он считал необходимым создание в России по возрастному принципу трех видов учебных заведений: школ для детей, университетов для юношества и академии для взрослых людей, самостоятельно занимающихся наукой.

Школа, по мнению Г.В. Лейбница, должна была преследовать цели: а) нравственного воспитания, б) обучения языкам, в) обучения основам наук и г) физического воспитания. Предполагалось внедрение дифференцированного обучения языкам: будущих ремесленников предлагалось учить только русскому языку; торговых работников, кроме того, латинскому и немецкому; желающих получить высшее образование – греческому, французскому и итальянскому;

детей, предназначенных к духовной стезе, – еврейскому языку. Близость России к Востоку и постоянные сношения с ним предопределили предложение Лейбница о необходимости знания будущими духовными и светскими сановниками арабского языка.

Г. Лейбниц предлагал создать в университетах коллегии или бурсы, где бы над молодыми людьми по принципу английских университетов осуществлялся постоянный надзор. На всех факультетах обязательным устанавливалось изучение каждым студентом общеобразовательного курса. Устройство отдельных факультетов должно было иметь утилитарный, связанный с жизнью характер. В программу обучения в академии Лейбниц включал: богословие, логику, эфику, медицину, хирургию, историю, естествознание, государственное право, математику, механику, физику, химию и новые языки [24, с. 995].

Отдельного анализа заслуживают предложения И.Т. Посошкова. Выходец из крестьян, Посошков составил три записки, в которых высказал свои соображения об улучшении просвещения и достижении «нравственного преуспеяния» России. Выражая озабоченность «духовными нуждами всенародными» и стремясь «всех окрестных государств всякими добродетелями и добронравием превзойти» и «Россию учением просветить», И.Т. Посошков предложил учредить в Москве патриаршую академию, укомплектовать ее лучшими иностранными учителями. Рассматривая образованность духовенства как средство борьбы с расколом, он советовал во всех епархиальных городах открыть грамматические школы для детей священнослужителей. Уча других, священник обязывался постоянно учиться сам.

Наиболее подробное представление о педагогических взглядах И.Т. Посошкова дает трактат «Отеческое завещание к сыну», в котором он пытался привнести традиции церковного благочестия в новую для России систему просвещения. Основным условием нравственного воспитания Посошков считал приверженность православной вере и советовал всеми силами держаться церкви, беречь в себе «нравственную стыдливость и целомудренную

скромность». И.Т. Посошков предлагал открыть при церквях школы для детей духовенства и для народа, обучать в них грамматике, письму и чтению. «Аще в юности грамматического разума не научишься, – писал автор, – то ты и в попех будучи, всячески потщишься, дабы тебе хоть первая часть, то есть, орфография выучить, дабы тебе правописания познать. А без грамматического учения не токмо пресвитеру, но и простолюдину вельми трудно» [7, с. 17].

Заметно, что авторы указанных проектов представляли два направления в отечественном образовании начала XVIII века: светского, ориентированного на западноевропейские образцы, и традиционного российского, склонявшегося к частичной реформации древнерусской школы. По этим же двум направлениям дифференцировалось и учительство, размежевавшись, таким образом, на два лагеря.

Кроме Ф.С. Салтыкова, Лейбница и И.Т. Посошкова, в петровскую эпоху как выдающиеся учителя заявили о себе Феофан Прокопович и В.Н. Татищев.

Первый из них был епископом Псковским и Нарвским, возглавлял Святейший Синод, являлся составителем «Духовного регламента», сочинения, содержащего проект учреждения в стране академии, духовных семинарий и элементарных школ. В академии предполагалось преподавать: 1) грамматику с историей и географией; 2) арифметику и геометрию; 3) логику и диалектику; 4) риторику с учением о стихосложении; 5) физику с краткой метафизикой; 6) краткую политику; 7) богословие; 8) латинский, греческий и еврейский языки. Прокопович считал возможным одновременно изучать в академии несколько различных специальных предметов. Срок обучения составлял восемь лет. «Регламентом» предусматривалось открытие каждым епископом при своем доме для детей священнослужителей элементарных школ [28, с. 73].

Ф. Прокоповичу удалось частично реализовать свои планы: в 1721 г. он открыл школу, в которую принимали сирот и «бедных детей всякого звания». Школа отличалась от других учебных заведений более обширной программой. Кроме обучения закону Божию, чтению церковнославянских и гражданских

книг, письму, арифметике и началам геометрии в старших классах проходили русскую, латинскую и греческую грамматику, логику, риторику, географию, историю и искусства: рисование, вокальную и инструментальную музыку. Учителями в средних и высших классах были иностранцы: ученый датчанин А. Селлий, профессор академии наук Байер и ученый серб Георгий Феодорович.

Школа представляла собой образцовое для своего времени учебное заведение. Порядки в ней были во многом скопированы с иезуитских колледжей: учащиеся обязывались следить друг за другом, доносить обо всем увиденном начальству и т.п. Окончившие полный курс обучения поступали на государственную или церковную службу, становились преподавателями различных училищ. Многие из воспитанников продолжали образование в созданном при академии наук университете, достигая впоследствии высот в различных отраслях знания.

Сподвижник императора и основатель отечественных горнозаводских школ В.Н. Татищев являлся ярким представителем светского направления в русской педагогике. В его воззрениях отразился деловой характер эпохи, четко прослеживается петровская идея профессионализма образования. В.Н. Татищев одним из первых в России поставил вопрос об освобождении образования от решения задач религиозного, духовно-нравственного воспитания. Школы, по мнению педагога, должны были формировать у учащихся светское сознание, воспитывать для жизненного благополучия, готовить «разумного эгоиста», способного осознать свой внутренний мир и собственные цели, т.е. уметь различать добро и зло и идти по пути добра.

В.Н. Татищев не отделял личного благополучия человека от познания им самого себя: внешнего, телесного и внутреннего, духовного. Такое познание помогает правильно понимать веру и не противоречит религии: истинная философия необходима для познания Бога и служит на пользу человечеству, помогая правильно управлять государством. Незнание, наоборот, только вредит личности, обществу, народу; оно причина личных и государственных бед.

Познание невозможно без науки, сущность которой заключается в ее практической пользе [28, с. 75].

В.Н. Татищев полагал, что профессиональному образованию должно предшествовать образование общее, главной целью которого являлось освоение школьниками «нужных, полезных» наук. Содержание общего образования составляло изучение письма, грамматики родного языка, красноречия, анатомии, русской истории, отечественных законов, врачевания, приемов владения оружием. Дополнительно В.Н. Татищев советовал овладеть «щегольскими науками»: поэтикой, танцами, живописью, призванным в совокупности с полезными науками служить целям самопознания и подготовки к практической жизни. В связи с этим педагог считал полезным и обучение ведению домашнего хозяйства. Уже с 10 лет детей следует приучать к ремеслу, и такое приучение должно стать главной задачей второго этапа образования – собственно профессионального.

По мыслям В.Н. Татищева, образование должно было продолжаться до 18 лет. Содержание профессиональной подготовки он ставил в зависимость от рода деятельности: у будущих военных следовало воспитывать храбрость, но не безрассудство; послушание начальству, но не раболепие, рассудительность и все то, что способствует успешной службе. У чиновника должны были преобладать такие нравственные качества, как справедливость, отсутствие корыстолюбия, прилежание, терпеливость, самостоятельность в делах. С 18 до 30 лет следовало совершенствовать свои познания, навыки и умения в процессе несения государственной службы. В трудах В.Н. Татищева развивалась идея о наделении учителей воспитательными обязанностями. Основные аксиологические идеи В.Н. Татищева нашли отражение в его трудах: «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» (1733 г.), «Духовная моему сыну» (1733 г.), «Увещания умирающего отца к сыну», «Учреждения, коим порядком русским школам имати поступать» (1736 г.), «О порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах» и др. [28, с. 78].

Описанные подходы отражали господствующий в просвещенных европейских странах взгляд на образование как на путь примирения социальных сил и средство обеспечения материального благополучия в обществе. Они были ориентированы на энциклопедический характер образования, учитывали потребности развивающейся страны в профессионалах, предусматривали сословное образование, что было объяснимо в условиях крепостнической России.

Перечисленные персоналии оставили заметный след в педагогике, заложили фундамент нового российского образования, многое сделали для привнесения в него позитивных западноевропейских элементов и для придания школе светского характера. По формальным признакам Феофана Прокоповича и В.Н. Татищева вряд ли можно отнести к категории учительства, но своим вкладом в развитие просвещения они способствовали выработке требований к профессиональной подготовке и нравственным качествам отечественного учительского корпуса, многое сделали для выработки аксиологических приоритетов российских педагогов.

Список литературы:

1. Блинов В.И. Развитие теории и практики образования в России в XVIII – начале XX вв. под влиянием изменений ценностных ориентаций, представлений об идеале человека и целях его воспитания : автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2001. 24 с.
2. Бобровский П.О. Царь Петр Алексеевич и военная школа четырех первых регулярных полков в России (1690 – 1699 гг.). СПб., 1887. 123 с.
3. Вессель Н.Х. Начальное образование и народные училища в Западной Европе и в России // Русская школа. 1890. № 7. С. 20.
4. Горчаков М.И. Священный Монастырский приказ. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1868. С. 254.
5. Демков М.И. История русской педагогики. Ч. II. Новая русская педагогика (XVIII-й век). Изд. 2-е, испр. М. : Изд. авт., 1910. С. 53.
6. Ельницкий К. Очерки по истории педагогики // Семья и школа. 1884. № 10. С. 242–279.
7. Завещание отеческое И.Т. Посошкова / И.Т. Посошков. Сочинения. Ч. I. М., 1842. 391 с.

8. История педагогики и образования / под ред. А.И. Пискунова. М. : ТЦ Сфера, 2019. 234 с.
9. История педагогики: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / под ред. Н.Д. Никандрова. М. : Гардарики, 2017. С. 214.
10. Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров в России. М. : ВПА, 1990. 41 с.
11. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. Петроград, 1915. 184 с.
12. Князьков С.А., Сербов Н.И. Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II. М. : «Польза», 1910. 153 с.
13. Корнетов Г.Б. История педагогики. Введение в курс «История образования и педагогической мысли». М. : УРАО, 2018. 158 с.
14. Крыжановский О. Значение духовенства в истории народного образования в России. Исторический очерк // Образование. 1895. № 9. 84 с.
15. Латышина Д.И. История педагогики. М. : Изд. дом «Форум», 2020. 169 с.
16. Парибок П.М. Первая пушкарская школа // Советская педагогика. 1943. № 5–6. С. 43–45.
17. Пекарский П. Наука и литература при Петре Великом. Т. I. СПб., 1862. 63 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Т. 5. № 3375. СПб, 1830. 132 с.
19. Пропозиции Федора Салтыкова: Рукопись из собрания П.И. Тиханова. СПб., 1891. 221 с.
20. Полное собрание законов Российской империи. Т. 2. СПб : Государственная типография, 1882.
21. Российский государственный архив Военно-Морского Флота. СПб, ф. 233, д. 119, л. 36.
22. Рождественский С. Эпоха преобразований Петра Великого и русская школа нового времени // Русская школа. 1903. № 1. С. 89–90.
23. Сидоренко Е.Г. Первая артиллерийско-инженерная школа в России // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. 3. Л., 1960. С. 81–99.
24. Сиповский В. Значение Петра Великого в истории русских школ // Семья и школа. 1872. № 5. Кн. II. С. 996–997.
25. Сукновалов А.Е. Первая в России военно-морская школа // Исторические записки. Вып. 42. М. : АН СССР, 1953. С. 301–306.
26. Табель о рангах // Доклады и приговоры правительственному сенату в царствование Петра I. Т. I. СПб., 1880. 276 с.
27. Татищев В.Н. Духовная моему сыну // Антология педагогической мысли России XVIII в. М. : Педагогика, 1985. С. 81–83.
28. Татищев В.Н. Разговор о пользе наук и училищ // Антология педагогической мысли России XVIII в. М. : Педагогика, 1985. С. 69–81.

29. Хрестоматия по русской военной истории / под ред. Л.Г. Бескровного. М. : Воениздат, 1947. 185 с.

30. Чистович И.А. Феофан Прокопович и его время // Сборник статей, читаемых в отделении языка и словесности Академии наук. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1868. 321 с.

31. Шевелев А.Н. Образовательная урбанистика: историко-педагогические аспекты изучения петербургской дореволюционной школы. СПб. : СПб АППО, 2005. 352 с.

References:

1. Blinov V.I. Razvitiye teorii i praktiki obrazovaniya v Rossii v XVIII - nachale XX vv. pod vliyaniyem izmeneniy tsennostnykh oriyentatsiy. predstavleniy ob ideale cheloveka i tselyakh ego vospitaniya // Avtoref. diss. ...d-ra ped. nauk. M.. 2001. 24 p.

2. Bobrovskiy P.O. Tsar Petr Alekseyevich i voyennaya shkola chetyrekh pervykh regulyarnykh polkov v Rossii (1690 – 1699 gg.). SPb.. 1887. P. 123.

3. Vessel N.Kh. Nachalnoye obrazovaniye i narodnyye uchilishcha v Zapadnoy Evrope i v Rossii // Russkaya shkola. 1890. No. 7. P. 20.

4. Gorchakov. Svyashchenny Monastyrskiy prikaz. SPb.. 1868. P. 254.

5. Demkov M.I. Istoriya russkoy pedagogii. Ch. II. Novaya russkaya pedagogiya (XVIII-y vek). Izd. 2-e. ispr. M., 1910. P. 53.

6. Elnitskiy K. Ocherki po istorii pedagogiki // Semia i shkola. 1884. No. 10. P. 242-279/

7. Zaveshchaniye otecheskoye I.T. Pososhkova // I.T. Pososhkov. Sochineniya. Ch.I. M. 1842. 391 p.

8. Istoriya pedagogiki i obrazovaniya / Pod red. A.I. Piskunova. M.: TTs Sfera. 2019. 234 p.

9. Istoriya pedagogiki: uchebnik dlya aspirantov i soiskateley uchenoy stepeni kandidata nauk / pod red. N.D. Nikandrova. M.: Gardariki. 2017. P. 214.

10. Kamenev A.I. Istoriya podgotovki ofiterskikh kadrov v Rossii. M.: VPA. 1990. 41 p.

11. Kapterev P.F. Istoriya russkoy pedagogiki. Ptg.. 1915. 184 p.

12. Knyazkov S.A.. Serbov N.I. Ocherk istorii narodnogo obrazovaniya v Rossii do epokhi reform Aleksandra II. M.. 1910. 153 p.

13. Kornetov G.B. Istoriya pedagogiki. Vvedeniye v kurs «Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli». M.; URAO. 2018. 158 p.

14. Kryzhanovskiy O. Znacheniyе dukhovenstva v istorii narodnogo obrazovaniya v Rossii. Istoricheskiy ocherk // Obrazovaniye. 1895. No. 9. 84 p.

15. Latyshina D.I. Istoriya pedagogiki. M.: Izd. dom «Forum». 2020. 169 p.

16. Paribok P.M. Pervaya pushkarskaya shkola // Sovetskaya pedagogika. 1943. No. 5–6. P. 43–45.

17. Pekarskiy P. Nauka i literatura pri Petre Velikom. T. I. SPb.. 1862. 63 p.

18. Polnoye sobraniye zakonov. Rossiyskoy imperii. T.V. No. 3375. 132 p.
19. Propozitsii Fedora Saltykova: Rukopis iz sobraniya P.I. Tikhanova. SPb.. 1891. 221 p.
20. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. T. 2. SPb : Gosudarstvennaja tipografija, 1882.
21. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voенno-Morskogo Flota. SPb, f. 233, d. 119, l. 36.
22. Rozhdestvenskiy S. Epokha preobrazovaniy Petra Velikogo i russkaya shkola novogo vremeni // Russkaya shkola. 1903. No. 1. P. 89–90.
23. Sidorenko E.G. Pervaya artilleriysko-inzhenernaya shkola v Rossii // Sbornik issledovaniy i materialov Artilleriyskogo istoricheskogo muzeya. Vyp. 3. L.. 1960. P. 81–99.
24. Sipovskiy V. Znachenije Petra Velikogo v istorii russkikh shkol // Semia i shkola. 1872. No. 5. Kn. II. P. 996–997.
25. Suknovalov A.E. Pervaya v Rossii voyenno-morskaya shkola // Istoricheskiye zapiski. Vyp. 42. M.: AN SSSR. 1953. P. 301–306.
26. Tabel o rangakh // Doklady i prigovory pravitelstvennomu senatu v tsarstvovaniye Petra I. T.I. SPb.. 1880. 276 p.
27. Tatishchev V.N. Dukhovnaya moyemu synu // Antologiya pedagogicheskoy mysli Rossii XVIII v. M.: Pedagogika. 1985. P. 81–83.
28. Tatishchev V.N. Razgovor o polze nauk i uchilishch // Antologiya pedagogicheskoy mysli Rossii XVIII v. M.: Pedagogika. 1985. P. 69–81.
29. Khrestomatiya po russkoy voyennoy istorii. Pod red. L.G. Beskrovnogo. M. 1947. 185 p.
30. Chistovich I.A. Feofan Prokopovich i ego vremya // Sbornik statey. chitayemykh v otdelenii yazyka i slovesnosti Akademii nauk. SPb. 1868. 321 p.
31. Shevelev A.N. Obrazovatel'naya urbanistika: istoriko-pedagogicheskiye aspekty izucheniya peterburgskoy dorevol'yutsionnoy shkoly. SPb. 2018. 138 p.